

УДК: 72.01

Д.А. Куликов – аспирант

E-mail: dmitry.kulikov@bk.ru

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

КОЭВОЛЮЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

АННОТАЦИЯ

В статье устанавливаются связи между процессами потребления и организацией архитектурного пространства. Описываются пять типов потребления и соответствующие им пространственные системы: естественное потребление (субстратное жилище и поселение); замкнутая система потребления (город – клан, город – государство); территориальная система потребления (город – функциональный элемент); государство как система потребления (города – колонии, взаимодействие систем); корпоративная сеть потребления (глобальный город). Главным следствием предложенной гипотезы является понятие о ресурсосберегающей форме потребления как стадии развития архитектурного пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ресурсосберегающая архитектура, теория потребления, потребление, ресурсы, пространственная организация.

D.A. Kulikov – post-graduate student

Kazan State University of Architecture and Engineering

COEVOLUTION OF CONSUMPTION AND SPATIAL FORMATION. THEORY OF CONSUMPTION

ABSTRACT

There is a strong global connection between processes of consumption and spatial formation of architectural space. Five types of consumption and appropriate spatial systems were exposed by author. They are: natural consumption (archetype habitation and settlement); closed consumption system (ancient settlement, clan – city, city – state); territorial consumption system (city as the functional unit of consumption system); state as the consumption system (city – colony, interaction of the systems); corporative net of consumption (global city). This hypothesis lead to the point of view, according to which, the next stage of spatial evolution could be the resource-saving form of architecture and consumption.

KEYWORDS: resource-saving architecture, theory of consumption, consumption, resources, architectural space, spatial organization.

Ресурсосбережение и устойчивое развитие в настоящее время – одна из самых изучаемых тем архитектурного дискурса. Нарастающие ресурсные проблемы города дают новый толчок развитию архитектурной теории, а необходимость поиска новых, альтернативных моделей развития, именно в организации пространства, является остро актуальной, как с философских, так и с архитектурных позиций [1, 2]. Проблема заключается в отсутствии специальных архитектурных знаний о ресурсосбережении, ресурсопотреблении и ресурсосберегающих способах организации архитектурного пространства. Существует набор разрозненных теорий, но нет системного взгляда и общей парадигмы. Зачастую подходы к ресурсосберегающей архитектуре основаны на старых ресурсоемких методах и технологиях [1]. Данная публикация рассматривается автором как первое приближение в установлении связей между процессами потребления и организацией архитектурного пространства различных уровней. Следствием данной гипотезы является понимание ресурсосберегающей архитектуры как организационной архитектурно-пространственной системы новой парадигмы потребления.

Согласно Мишелю Фуко, «воображение общества тесно связано с привычным для него способом организации пространства». Фуко развивает свои тезисы в сторону исторического соответствия различных уровней организации пространства и, к примеру, таких конструктов, как «власть» [4]. Предложенная автором «теория потребления» говорит о связи между процессами

потребления и организацией пространства. Основная идея заключается в том, что на протяжении развития истории пространство (его структура, функции, форма, глобальные и локальные характеристики) находится в строгом соответствии с процессами потребления, господствующими в обществе. Автором были выявлены основные исторические системы потребления и особенности архитектурной организации каждой из них. Прежде чем дать их описание, необходимо отметить, что приведенная ниже гипотеза требует отдельного научного исследования, более системных подтверждений и доказательств. Выдвинутая гипотеза сопровождается примерами, ссылками, опорой на другие исследования и концентрирует необходимую проблематику, образуя теоретическое поле, ставя его на единую почву эволюционного развития общества, архитектуры и пространства. Ранее автором рассматривалось понятие «потребление», его история, метаморфозы и современные составляющие [3].

Для объяснения коэволюции пространства и принципов потребления необходимо ввести понятие, характеризующее данное соответствие. *«Форма потребления» – господствующая парадигма потребления (социальная, экономическая, политическая, философская), выраженная в устойчивых и характерных ей типах организации пространства различных уровней – пространственно-планировочный, объектно-планировочный.*

Первоначальную систему потребления можно описать как *«естественное потребление»*. Такое общество подобно стае, выживание которой зависит в одинаковой степени как от внешних причин, так и от многообразия накопленных навыков. Организация пространства сводилась к принципам жилища, которое до наших дней дошло в форме архетипов или субстратных конструкций (щит-заслон, шалаш, вигвам, гнездо, пещера и многие другие) [10, с. 139, 166]. В современных условиях этот принцип потребления встречается в гипертрофированной форме в виде устоявшихся гетеротопий – например лагеря для беженцев, зоны помощи, образовавшиеся в результате природных катаклизмов и т.д.

На следующей ступени потребления появилась первая модель пространственной организации – *«город как замкнутая система потребления»*. В данном тезисе понятие город применено условно и касается древних поселений [10, с. 130-131]. Временную границу, согласно принятой хронологии, можно обозначить периодом до 10 000 до н.э. [5]. Период характерен извлечением ресурсов из строго определенных мест, применением некоторых металлов, использованием энергии ветра и воды, тяговой силы домашних животных. Главным ресурсом являлась земля. На выбор места для селения влияло наличие близких сенокосов, пастбищ, воды, пахотной земли, степень защищенности и т.д. «Город как замкнутая система потребления» совмещал в себе функции добычи, распределения и поглощения ресурсов и имел устойчивую систему потребления: огород, дом, мастерская, базар, отхожее место, свалка, кладбище, защитные укрепления и другие элементы. Ареал влияния был предельно малым. Сторонники теории о палеоконтактах приводят доказательства о существовании городов – гигантских комплексов, совмещающих переработку и добычу золота с жилыми и культовыми сооружениями [6], т.е. устоявшейся типологии города-единицы.

Третий этап эволюции пространственной системы города следует связывать с появлением сложных обществ и новой более широкой системы потребления, установившейся во многих культурах независимо друг от друга: *«Одним из наиболее замечательных фактов окажется видимое сходство, которое обнаруживают сложные общества. Некоторые общие черты очевидны, например монументальные пирамиды; ...Другая черта, сближающая сложные общества Старого и Нового Света, касается способа организации городов. Если сравнить план Урука или Ура с планом Теотиуакана или Чан Чана, то и здесь обнаруживается сходство. Города разделены на функциональные зоны, в них можно найти церемониальные, торговые и жилые зоны. Эти последние оказываются очень похожи, если рассмотреть их размеры и функциональную организацию пространства»*[5]. Система потребления связана с появлением нового элемента – политической системой. В период с 10 000 лет до н.э. до X века н.э. развивалась пространственная система *«город как элемент территориальной системы потребления»*.

Этап связан с систематическим освоением растительных и минеральных ресурсов. Стали использоваться почвенно-климатические ресурсы, естественные ресурсы кормов и воды для массового орошения плантаций. Перед людьми впервые возникли экологические проблемы антропогенного происхождения. Так, уничтожение лесов привело к катастрофическому сокращению населения о. Пасхи [11]. В архитектуре пространства прослеживается дифференцирование функций. Город теперь – это системная единица потребления и освоения ресурсов. Процесс урбанизации, результатом которого стали рост индустрии, развитие культурно-политических функций городов и

углубление территориального разделения труда, привел к разделению пространств по функциональному назначению. Это можно проследить на следующих устоявшихся типологиях:

- **Город-столица.** Город, объединяющий в себе максимум функций: управление, распределение, потребление.
- **Город-производитель.** Поселение с функцией обслуживания производства.
- **Город-добытчик.** Основная функция – обслуживание процесса добычи ресурсов. Города-поселки рабочих.
- **Город-порт.** Прием и распределение ресурсов между единицами потребления.
- **Город-резиденция.** Функция – управление системой потребления.
- **Город-рекреация.** Потребление рекреационных ресурсов.
- **Город-храм.** Поддержание духовного ресурса.

Сложившаяся система «городов элементов потребления» стала началом формирования сетевой системы потребления ресурсов.

В период X-XX веков потребление можно обозначить через организационную систему более высокого уровня – *«государство как система потребления»*. В этот период человек открывает для себя планету, выявляет доступные ресурсы, получают современный вид государственные границы, формируется понимание стратегического запаса ресурсов. Государство рассматривается как единая сеть – система потребления. Распределение ресурсов характеризуется большой неравномерностью, что служит естественной основой для развития региональных принципов потребления. Естественные ресурсы одних культур потребляются другими. Складывается *система ресурсной зависимости стран*:

- **Донор.** Государство – владелец, добытчик, экспортер естественных минеральных ресурсов. Импортер высокотехнологической продукции, культурных, экономических, социальных моделей потребления.
- **Экспортер.** Государство – производитель и поставщик высокотехнологичных ресурсов, потребитель естественных ресурсов государств-доноров.
- **Дилер.** Государство – производитель технологий и преобладающей парадигмы потребления. Государство-дилер располагает наиболее развитыми технологиями, обладая рычагами экономического и стратегического влияния, имеет возможность экспорта своих культурных ценностей, модели потребления в другие зависимые страны (к примеру, колонии).

Последняя треть XX века положила начало становлению новой формы потребления и ее пространственной типологии – *«глобального города как функции международной сети стратегических площадок, который представляет собой стратегическое пространство, где глобальные процессы происходят на территории государства»* – Саския Сассен пишет о преодолении системой потребления территориальных границ и возникновении глобальной экономической системы, пришедшей на смену национальному или межгосударственному управлению экономикой, которую уже нельзя рассматривать как простое повторение прежних форм. Сеть глобального города – это одна из основных особенностей организационной архитектуры на данном этапе [7].

На границе смены моделей потребления происходит резкая актуализация ресурсов. Борьба за энергетику стала началом становления *«корпоративной сети потребления»*, когда международная кооперация и мощь трансатлантических корпораций становится новой производительной силой.

Неравномерность потребления порождает глубокие социальные противоречия между странами и сообществами. Неустойчивая система планетарного гиперпотребления к концу XX века не выработала защитного механизма регуляции. Ресурсный кризис дал толчок развитию нового ресурсосберегающего типа потребления.

Ресурсосберегающее потребление

После описания теоретической модели необходимо перейти к следствиям предложенной гипотезы.

Эволюционность развития потребления. Теория трактует эволюцию, как пошаговую смену форм потребления, охватывающих все большее пространство, формирующую стабильную систему и усложняющую потребление. Понимание ступенчатого развития системы «пространство-потребление» дает возможность прогнозирования метаморфоз городов, регионов и государств.

Соответствие формы потребления конкретной организации архитектурного пространства позволяет избежать грубых проектных ошибок при адаптации отстающих обществ к преобладающей форме потребления или при искусственной смене типа потребления в ту или иную сторону. В развитие данного тезиса можно привести пример подобной ошибки: Чандигарх проектировался как модель нового индустриального города «прогрессивной» западной модели потребления. Градостроительная и архитектурная структура не была принята обществом с несоответствующей спроектированному пространству структурой потребления. *«...в Чандигархе, где и природа, и люди принимали искаженную форму европейской экспансии с обманчивой безучастностью, средовой контекст одержал странную победу над колониализмом. Этот чужой город превратился в ландшафт, постройки Чандигарха сегодня стали природными формами, на которых люди живут своей жизнью и строят свои, удобные им дома – глинобитные хижинки, которые лепятся к обшарпанным бетонным стенам полузаброшенных индустриальных жилых ячеек»*[8]. Модернистское архитектурное пространство нового Чандигарха было преобразовано средой в пространство, соответствующее индийской модели потребления. Только сейчас, когда эта провинция приближается к европейской модели потребления, пространство постепенно начинает функционировать и оживать.

Актуализация новых ресурсов как показатель смены формы потребления. Кризис пространственных формаций и архитектурных типологий – это сигнализатор момента перемены в потреблении. Резкая актуализация и востребованность новых ресурсов служит первой предпосылкой в изменении парадигмы системы потребления.

«Глобальный город» как современная форма потребления. Развитие принципов глобального города связано с реализацией архитектурных и градостроительных типологий. По мнению С. Сассен, в глобальных городах наблюдается новый пространственный порядок, новая пространственность [7]. Стремительное развитие глобальных городов по всему миру – Нью-Йорк, Гонконг, Шанхай, Москва, Токио, Лондон, Сидней, Мехико, Лагос, Сингапур – в конце XX века говорит о необратимости становления сетевой структуры потребления. Глобальный город имеет свою структуру, архетипы и градостроительную логику, что говорит о возможности сопоставления и оптимизации развития текущих и последующих глобальных городов – сетевых центров.

Вторым следствием является понимание ресурсоемкости существующей формы потребления. Цивилизация более не может потреблять подобным образом, когда уничтожаются и ресурсы, и человек, и природа, а архитектура является иконой ресурсоемкости. XXI век поставил перед обществом глобальную проблему – ресурсный кризис, который связан линейной зависимостью с резким увеличением численности потребителей. Во все предшествующие эпохи процесс трансформации формы потребления был естественным и незаметным. Сейчас подобный сценарий угрожает человеку борьбой за выживание вида. Необратимость оптимизации потребления очевидна, необходим поиск новых моделей с устойчивым вектором развития, поиск новых ресурсосберегающих пространственных форм. Мы находимся в условиях искусственной, не эволюционной смены парадигмы потребления.

Наличие неизученных устойчивых форм потребления. С. Уилсон, исследуя развитие различных моделей сложных обществ, говорит о существовании в прошлом сообществ, способных к долгому и устойчивому развитию: *«...существуют археологические доказательства, говорящие в пользу существования сложных и примитивных обществ, которые были бы откровенно экзотичны. Важно как можно лучше изучить эти общества, поскольку общества, взявшие над ними верх, общества, способные к быстрому росту, агрессивные и эксплуататорские, совершенно неспособны к длительному росту. Если рассмотреть их в глобальном масштабе, то преобладающие сегодня на нашем земном шаре сложные общества и экономические структуры, от которых они зависят, поставили огромные проблемы переэксплуатации: потепление климата, массовое биологическое вымирание, расточительство горючих полезных ископаемых. Именно в этом контексте особенно*

полезно суметь использовать другие типы сложных обществ, возможно, более стабильные»[5]. Исследование пространственной структуры городов и поселений таких сообществ может привести к появлению новых устойчивых моделей потребления.

Ресурсосберегающее потребление как новый этап эволюции пространства. В истории общества наблюдается стремительное совершенствование принципов потребления, длительность каждого последующего этапа сокращается в разы по сравнению с предыдущим. Текущая корпоративная система трансатлантических сетей практически завершила свое формирование в виде глобальных городов. Ввиду катастрофических последствий сложившейся системы гиперпотребления с большой долей вероятности можно предположить: следующая стадия потребления будет ресурсосберегающей. В глобальном пространственно-экономическом выражении большую роль будет играть региональная кооперация, в которой главную роль играют регионы (региональные единицы) как производители ресурсов с оптимизированной системой потребления.

По С. Сассен, концепция глобального города-региона концентрируется на проблемах и особенностях основных моделей урбанизации, большего охвата экономической основы, среднего сектора домохозяйств и фирм, а следовательно, также и на распределении экономических выгод от глобализации. В этом отношении концепция глобального города-региона позволяет увидеть возможности более сбалансированного роста [7]. Архитекторы MVRDV говорят о последующих двух этапах развития мирового потребления: оптимизация и максимизация [9] – и конструируют возможные пространственные сценарии. За производство альтернативной энергии, выращивание леса, сельское хозяйство будут отвечать только те регионы, которые климатически и географически максимально к этому приспособлены наилучшим образом. В проекте «Costa Iberica», исследуя потенциал развития туристической индустрии, предполагается усиление роли испанского и португальского побережья, как единой зоны, в качестве крупнейшего в мире центра отдыха. Подобные перемены вызовут изменения в демографии, иммиграции и пространственной организации региона, это может привести к появлению специальных типологических единиц, способных адаптировать эти процессы. Проект «Ciudad Valle Central» – пример оптимизирования слабо развитого агропромышленного региона в Чили – предусматривает создание крупнейшей градостроительной единицы нового уровня – CVC Agrocitы. Пример инверсионного применения оптимизации – проект «Foret MLM», превращение зоны вымирающей индустриальной промышленности во Франции в крупнейший природный дикий парк как часть исчезнувшего европейского зеленого кольца. Понимание новой архитектуры регионов приведет к созданию пространств нового ресурсосберегающего мышления. Другим следствием ресурсосберегающей формы потребления будет изменение архитектуры города как основной единицы потребления.

Космологическая форма потребления как один из последующих этапов эволюции потребления. Многие поколения исследователей, ученых, футурологов предполагали выход человечества за пределы планеты и даже Солнечной системы. Технологии развиваются стремительно, сейчас вошел в моду космический туризм, а число стран, вышедших в космос, увеличилось в разы. В качестве одной из предстоящих форм потребления логично предположить космологическую фазу, первой ступенью которой будет освоение ближайшего спутника – Луны и получение энергии из открытого космического пространства. В связи с этим было бы рационально предположить значительное изменение структуры и пространственной организации земных городов.

Основным в приведенной гипотезе является тезис о неизбежности ресурсосберегающей формы потребления как глобальной пространственной системы с набором транскультурных архитектурных компонент и типологий. Необходимо на всех уровнях архитектурного образования инициировать данную проблематику, как развитие стратегического потенциала общества и повышение его исторической устойчивости. Архитектура порой очень медленно реагирует на вызовы современности, а общества, не способные к быстрой адаптации, показывают себя исторически не устойчивыми. Таким образом, на стыке исторической, социальной и архитектурной наук необходим поиск новых потребительских моделей длительного устойчивого развития и соответствующей им ресурсосберегающей организации пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдарова Г.Н. Ресурсосберегающая архитектура как альтернатива современного развития // Труды годового собрания РААСН. – М., 2003. – С. 204-206.
2. Киносьян В.А. Курс лекций для аспирантов. – Казань: КазГАСУ, 2005.
3. Куликов Д.А. Вирус в доспехах: Архитектура и потребление. // Материалы научной конференции «Вектор архитектурного образования – прагматизм или концептуальные фантазии». – Казань: КазГАСУ, 2006. – С. 124-129.
4. Фуко М. Другие пространства // Журнал Проект International, 2009, № 19. – С. 180-190.
5. Уилсон С.М. Детерминизм и неопределенность в истории происхождения государств // Сборник статей «Человек перед лицом неопределенности» под ред. Пригожина И. – М., – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – С. 138-155.
6. Ситчин З. 12-я планета. – М.: Новая планета, 1990.
7. Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Журнал «Логос», 2003, № 5.
8. Микулина Е. Идеалисты. Чандигарх: «Город Солнца» // Журнал «Проект классика», 2001, № 2.
9. MVRDV KM3: Excursions on capacities // Barcelona, Actar, 2005.
10. Айдарова-Волкова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI-XIX веков: модель развития, структура типов, влияния. – Казань: КГАСА, 1997. – 196 с.
11. Даймонд Д. Коллапс // ISBN 978-5-9713-8389-5.